

Кортле Иозеф

АКТЕРЫ И РОЛИ

Иозеф Кортле рассказывает свою биографию

Токарь, искусно выгачивающий деталь, не может, естественно, отвечать за работу всего завода: бывает, на заводе что-то не ладится по не зависящим от него причинам. От этого умный труд рабочего не теряет смысла и лишь поднимает общий результат.

Сравнения искусства с производством всегда рискованны. Однако пьеса Павла Когоута «Дом, где мы родились», поставленная в Свердловской драме В. Битюцким, невольно наталкивает на подобные сопоставления. Нервозность драматургии, мелодраматизм отдельных сцен не могут перечеркнуть актерские удаchi, проявившиеся в спектакле и делающие его небезынтересным для зрителя. Одна

из таких удач — роль Иозефа Кортле в исполнении Л. Охлупина.

Кортле в пьесе — персонаж, если и не эпизодический, то уж, во всяком случае, не главный. Для того, чтобы создать полноценный живой образ, реинкарнировать в него, артист располагает небольшим материалом — полторы-две странички текста, убористо отпечатанного на машинке. Остальное — интуиция и мастерство актера, его умение за отдельными словами, ничего вроде бы не значащими фразами видеть жизнь человека, ощущать его характер. И еще — помощь режиссера, которому мы не без основания адресуем порой недостатки спектакля, но о котором часто забываем, когда речь идет об актерских удачах.

Итак, на сцене Иозеф Кортле. Изрядно поистершийся костюм, выбившаяся из-под брюк рубашка, какое-то заплавленное лицо. Тут, по-моему, ничего не понимая, смотрит он на женщину, которая вызывает сейчас к его памяти, хочет узнать о нем все. Зачем, собственно, ей это нужно? Постепенно смысл вопросов начинает доходить до него. Оупление сменяется растерянностью.

Первые минуты пребывания на сцене Иозеф молчит. Говорит женщина, его дочь Либуше, которую он никогда не знал, не видя (роль Либуше играет в этом составе В. Шатрова, играет по-настоящему хорошо). Молчит Кортле не потому только, что в горле у него пересохло и привычно тянет его к бутылке пива, — про-

сто не знает, как ответить на вопрос, кто он? Покачивает головой, вытирает лоб, беззвучно шевелит губами, теребит повязанный вокруг шеи шарф...

Л. Охлупин не оставляет сомнения в состоянии своего героя: смятенность чувств, оладевшая сейчас им, читается во взгляде, идущем из-под тяжелых, заплывших век, передается движениям, каким-то особенно растерянным и жалким. И вся эта душевная сумятица, захватившая Кортле в доме, в котором не был он много лет и в котором жизнь его могла бы сложиться совсем иначе, выливается в слова, которые он с трудом, запинаясь, выдает из себя: «Я — по-разному».

Это вместо ответа на вопрос, кто он такой.

Потом еще несколько раз повторит Кортле — Охлупин ставшую для него сакральной фразу. И всякий раз в словах его будут появляться новые интонации, помогающие обнажать их подтекст.

Внешне все вроде бы просто. «Ну... был, значит, каменщиком... И во время войны тоже был каменщиком... А в промежутке — так, по-разному... Ну и теперь опять... по-разному... Вот и все», — поясняет Иозеф Либуше. Только в голосе, каким произносит актер свое «по-разному», что-то очень тревожное. Не просто безработица, не возможность найти дело по специальности, необходимость ходить в разнорабочих — нечто гораздо более сложное звучит в признаниях Иозефа Кортле.

Либуше узнает все: отец, о котором до сих пор она ничего не знала, был провокатором, засланным в КПЧ предпринимателями. И все же жалость зрителей к своему герою стремится вызвать Л. Охлупин трактовкой образа. Очень точно проносит актер через него иную тему — тему нравственного возмездия. Оупление, которое владело Иозефом все эти годы, уходит под влиянием вынужденной исповеди, и все, что он старался не видеть, залить вином, заглушить, встает перед глазами во всей своей страшной правде.

«Профсоюзы записали меня в желтые... Где не могли справиться со мной в открытую, там доставалось иначе: сломанный инструмент, разорванное пальто или за воротами — по мор-

де... Я уходил в другое место, а там повторялось то же самое...». Актер словно выплескивает из себя эти слова, вкладывая в них накопившиеся за многие годы тоску, горечь, боль, и уже совсем тихо, весь сникнув, заключает: «Вот я... и... это... По-разному. Вот и все...».

Вряд ли возрождение Кортле, его возвращение к трудовой настоящей жизни можно считать до конца убедительно решенными в пьесе. Благополучный финал для Иозефа не вполне мотивирован автором. Но есть в образе Кортле, созданном Л. Охлупиным, одна черта, которая наряду с искренностью нахлынувших на него переживаний помогает поверить Иозефу, — сохраненная в нем профессиональная рабочая гордость, жела-

ние делать вещи красиво, прочно. Гневно бросает Кортле — Охлупин обвинения хозяйке дома, в котором живет Либуше: он-то знает, как строили этот дом, сам делал кладку, это уже тогда было тесто, а не цемент...

По отдельным деталям, штрихам воспроизводит актер биографию своего героя. Нет, он не оправдывает Иозефа Кортле, он лишь помогает зрителю его понять. Понять, что сделало его таким. И поверить в лучшее, что заключено в человеке. Это одно из сильных мест спектакля, поставленного в Свердловской драме.

Р. БУХАРЦЕВ.

На снимке: Иозеф Кортле — Л. ОХЛУПИН

Фото автора

Вечерний Свердловск
г. Свердловск

26 МАЯ 1988